

Людкой, кичающейся своими немецкими корнями.

Второй конфликт произошёл у нас через месяц. В гости к хозяйке должен был прийти её внук Клаус — белобрысый очкарик с розовой поросычьей физиономией. На кухне лежали приготовленные к жарке четыре куска отличного рыбного филе. И пока бабка смотрела сериал, я их все оприходовал.

Пришлось Клаусу звонить в суши-бар, чтоб заказать это самое суши. Я, правда, так и не понял: зачем в этом баре рыбу иссушивают? Свеженькая-то куда лучше!

Так вот, Клаус на меня так разозлился, что, проходя мимо, больно пнул в бок ногой. Я, конечно, в долгу не остался и вместо лотка наделал ему в кроссовок. За это хозяйка перестала меня брать на прогулки. Ходят теперь вдвоём со Штемми, а я весь день сижу на подоконнике и пялюсь на проходящие мимо трамваи. Верить, всех водителей уже в лицо знаю.

А на что тут ещё смотреть? Городской пейзаж однообразен: высокие дома, разрисованные рекламой автобусы, суетли-

который для меня вреден. А летом в гостиную специально для него устанавливаются домашний фонтан, чтоб это крашеное ничтожество в любой момент могло освежиться в прохладной воде.

Ты не поверишь, Вася, но у пуделя нашего не только адресник на ошейнике есть, но и специальный чип под кожей. Его туда вшили, чтоб из космоса можно было следить за передвижениями пса, если тот потеряется или его украдут.

Всё это нас с Петровичем так достало, что мы решили разяснить пудельку, кто в доме хозяин. Дождались, когда бабка свинтила к соседке, загнали его в фонтан и минут двадцать оттуда не выпускали.

Он так напугался хлопанья крыльев, щёлканья клюва и крика Петровича, что фрау Кунт пришлось любимца к зоопсихологу вести. Тот Штеммика месяца три пользовал. Вроде как подлечил, но без хозяйки он в гостиную больше не заходит, ждёт её в коридоре, у входной двери. Понял, стало быть, своё место в этом мире.

А полгода назад, по ошибке, я чуть не сожрал нашего хомья Зигги. Тот как-то

не раздумывая, утопился бы в унитазе. А Шульциха этих монстров на конкурс кошачьей красоты готовит. Она считает, что у них «безупречные экстерьерные данные». Вот такой у немцев вкус...

А недавно, Вася, были мы с бабкой на собачьих похоронах. Фрау Грубер попала со своим йоркширом Кнёделем. Штемми с нами не было — хозяйка не захотела травмировать его психику. Так вот, хоронили пса в настоящем, украшенном рельефами, гробике, на специальном зверином кладбище. На надгробной плите, выполненной в форме косточки, была его фотография и надпись: «Мой верный друг, я всегда буду помнить о тебе! Повиляй мне хвостиком с небес». Ну не дурдом?

Старушки тут вообще чокнутые. Моя, например, заявила фрау Грубер: «Если я переживу Штеммика, закапывать в землю его не стану — кремирую и урну с прахом установлю у себя в гостиной. Если же умру раньше, он будет наследником всего моего имущества. Завещание уже составлено».

Прикинь, не дочке всё оставляет, не внуку, а дурацкому пуделю. Да если б наша

игрушечные мышки, если б ты весь день на подоконнике сидел? Ни пожрать от пуза, ни выспаться от души, ни мышшь на двоих раздавить, ни с котами, почувствующими в теплоцентрали, силами помериться. Скучища такая, что и передать нельзя. Ты-каюсь по чужим углам, как зомби, и негде коту издохти...

Сбегай я отсюда. Вот потеплеет и сбегаю. Тут по соседству одни в отпуск в наши края собираются, так я в багажник запрыгну. Мне бы только до кордона добраться. Дядя Миша говорил, что через польскую границу слона нарастающего за хобот провести можно, не то что коту прошмыгнуть. А там я уже и по запаху Орловку найду — дым отечества он по-особому пахнет. Примешь меня на свой чердак?

Письмо моё, Вася, — звуковое. Тебе его слово в слово перескажет Петрович, который сидит сейчас на бархатной подушке пуделя и запоминает каждое мое «мя».

Память у него — дай бог каждому. Если б не пил, цены б ему не было. А с другой стороны, не нахлобачайся он однажды на дне рождения хозяйки, никто о нём никогда б и не узнал. А так — слава на всю Германию.

Слушай прикол. Пригласила наша бабка к себе на именины Грубершу, Шульциху и ещё двух приятельниц, таких же, как и сама: в мужской одежде, с бритыми затылками и сигаретами в фарфоровых зубах. Разлила винцо по рюмочкам и к телефону побежала поздравление Клауса выслушивать. Пока болтала, подруги её на перекур отправились, оставив открытой балконную дверь...

Тут наш Петрович на праздничный стол и приземлился своими когтистыми лапами. Увидев хозяйскую рюмку с вином, высосал её до самого дна. Хмель ему в голову ударил, и решил наш попка, что в Германии его никто не уважает. Если б меня на время банкета Кунтиха в ванной не закрыла, я б его, глупого, в этом разубедил, а так...

Ломанулся Петрович из дому на железнодорожную станцию, чтобы на родину уехать. Прибыв на вокзал, решил билет взять в автомате — тут «зайцев» строго наказывают. Долбил клювом по кнопкам, тыкался во все отверстия, пока не застрял в этом аппарате.

Из-за нашего Кореллы пассажиры не смогли обилетиться. Возмущённые безобразиями, привели полицейских. Те, как ни старались, а достать Петровича из автомата не сумели. Пришлось вызывать Службу спасения. Последняя с трудом, но вызволила пернатого пьяницу.

Вместо благодарности, дебошир исклевал спасителям руки. Тут, конечно, пресса набежала, телевидение приехало, пассажиры мобильниками защёлкали, снимая нетрезвого попугая.

В тот день Петрович попал не только в криминальные сводки, но и во все газеты. Везде была его пьяная рожа со щеками цвета взбесившейся морковки.

Узнав о происшествии, хозяйка помчалась к спасателям забирать свою загулявшую скотинку. Теперь балконную дверь она плотно закрывает. Клетку тоже. Но Петрович научился её отпирать и, когда бабки нет дома, летает по квартире с криком: «Я — почтовый голубь!».

Он давно мечтает слетать в родные края. Не насовсем, а только убедиться, что он-таки «грамотно устроился». Говорит мне сейчас, что Попка — не дурак.

А я, самый сообразительный кот Орловки, выходит, недоумок? Пусть так, только сердцу ведь не прикажешь. Как поётся в известной песне:

А я в Россию, домой, хочу,
Я так давно не ел сметаны.

Завтра клетку с Петровичем хозяйка на балкон выставит, и уже через пару дней он будет у вас. Прими его, Вася, как положено, да ответь обстоятельно на моё письмо. Весточка с воли для меня дороже пузыря с вальерьянкой.

Кланяйся от меня всем нашим: Нафику, Боцману, Зёме с Лузером и обязательно Кысе с Баксом.

С надеждой на скорую встречу,
твой Мартын.

вые прохожие. Иное дело — Орловка. Выглянешь утром из окошка: гуси от ворот ковыляют рядком, громыхает цепью Полкан, воробьи в пыли барахтаются. Взгромоздившись на бочку с дождевой водой, дурным голосом кукаречит хромой Петя. Куры роются на компостной куче или топчут грядки с рассадой. А то и ты на заборе сидишь — меня дожидаясь, а Андрюха наш уже целится из рогатки в твой зелёный глаз. Экстрим!

Здесь же, Вася, — тоска зелёная. Даже подражаться не с кем. Пудель не в счёт. Мы с Петровичем пуганули его однажды, так это трусло теперь всё время за хозяйкой бегаёт, даже в туалет.

Ты же знаешь, я незлобивый, но Штемми шибко нос задирает. Всё время давал понять, что я — непрошенный гость, а он — хозяин. Оно и понятно: Кунтиха носится с ним, как с писаной торбой: ежедневно моет специальным шампунем и сушит потом феном. Разрешает ему спать в своей кровати, спокойно вытирает его слюны с зеркала в прихожей. Подпиливает ему когти, чистит уши, протирает глаза. Водит вислоухого в собачий VIP-салон, где за бешеные деньги его стригут, малюют в абрикосовый цвет, делают массаж. Днём он валяется на бархатных диванных подушках и жрёт дорогой шоколад. Тот самый,

выбрался из клетки и разгуливал ночью по квартире. Я прыгнул на него, схватил за холку и, предвкушая награду, понёс трофей прямо в постель фрау Кунт. Увидев меня с «крысой» в зубах, та завизжала так, что Штеммик чуть зайкой не сделался.

В итоге, на двое суток я был посажен в загончик. За что, спрашивается? Зигги ведь сам нарвался. На нем же слово «хозяин» фосфором не написано!

Я, понятное дело, решил отомстить, вспомнив наставления нашего с тобой друга Бакаса: «Настоящий кот в своей жизни должен сделать три вещи: отрастить усы, посадить в лужу пса и построить хозяйев».

С первыми двумя пунктами я уже справился и, выйдя на свободу, приступил к реализации третьего: поцарапал антикварную мебель, оставил на обоях метки, сбил с полки фарфоровые статуэтки, сделал лужу на дорогом итальянском паркете.

Фрау Кунт тут же помчалась сочувствием к соседке Шульцихе. Та посмотрела на мои художества и проскрипела: «Усыпить и сделать чучело!». Представляешь, как иностранцев не любит?

Пусть бы делала чучело из своих уродок — молью объединенных кошек-сфинксов с разного цвета глазами. Когда я впервые их увидел, у меня от ужаса шерсть дыбом встала. Да если б я так выглядел,

баба Маня на Полкана всё отписала, её бы прямо от нотариуса в психбольницу отвезли. Тут же это — обычное дело.

А ещё, Вася, немецкой живности на Рождество богатые хозяева покупают подарки: лакированную обувь, купальные костюмы, шубы, ошейники со стразами. Дни рождения отмечают им в ресторанах. Лечат в специальных клиниках. Плохо видящим котам и собакам за сумасшедшие деньги операции делают, вживляя им искусственные хрусталики. Стрёмные эти немцы...

Ох, и соскучился я тут по нормальным существам: по тебе, по Полкану, по Кысе с Баксом, по нашей Орловке! Нет уже мочи никакой сидеть в благоустроенной немецкой тюрьме, где ни по крышам побегать, ни на помойке порыться, ни рожу кому-нибудь расцарапать, ни песни в марте поорать. Даже с шуршунчиками, пакетами целлофановыми, какими у хозяйки вся кладовка забита, нельзя поиграть — ей этот звук на нервы действует. Короче, на всё — сплошной запрет, «фербот», по-ихнему.

Так что, не верь, Василий, если скажут тебе, что за границей сплошь сметаной намазано. Наглая это брехня! Ну, подумай: тебя бы радовали миски из дутого стекла, коврики из овечьей шерсти и пищащие